

ПРОЛОГ

Посланец великого хакана всех хузар Беньяху выглядел достойно. Золоченая бронь, высокая, шитая золотом же шапка, на оголовье сабли смарагд размером с горошину. Вокруг посланца — большой десяток личной охраны, причем не хузар, а асиев, мусульманских наемников хакана. Бохмичи допустили, потому что без них посланец говорить отказался. Не потому, что боялся, что русы зарежут. Статус свой подчеркивал. Так-то с ним аж две сотни бойцов прибыло. И тоже отборных. Много. И мало. Реши великий хакан с хаканом русов даже не повоевать, а только утратить, прислал бы вдесятеро больше. А то и сам с войском заявился бы.

Но с русами воевать — это как мишку весной травить. Жира чуть, шкура никакая, а схлопотать по сусалам можно очень даже запросто.

Впрочем, посланец Беньяху начал как раз с требований. Потребовал виру за разграбление Самкерца и за убийство хаканова родича Булана...

Олег слушал молча, дождался паузы и бросил коротко, по-хузарски же, игнорируя толмача:

— По делу говори.

Посланник осекся. Ну да, при дворе Беньяху так не принято. Вообще нигде не принято. Положено обменяться претензиями, потом — славословиями, и медленно, не торопясь, перейти к главному блюду. Собственно переговорам.

Посланник погладил волнистую подкрашенную бороду, подумал немного, поглядел на хаканов-русов, старшего и младшего, на их советников, которые седло под голову клали чаще, чем мягкие подушки, откашлялся и рискнул:

— Говорили мне, ты, хакан, поход готовишь на роман, коих вы ромеями называете. Так ли это?

«Ага, сейчас я тебе так все и выложу», — усмехнулся тот, кого здесь, в Киеве, звали великим князем Олегом, а на Севере — Хельгу-конунгом. Мысленно усмехнулся. Так-то даже усы не дрогнули.

— Говорили тебе, не мне. Ссора с роман — опасная ссора. Мой брат Беньяху этого желает?

Посланник ответил не сразу. Потом задал встречный вопрос:

— Разве у тебя, хакан, дружба с роман?

— Так и есть, — подтвердил великий князь. — У нас договор. С роман выгодно торговать, а вот драться — нет. У них сильные воины.

— Воины великого хакана Беньяху сильнее! — напыщенно изрек посланник.

— Пожалуй, — не стал спорить Олег. — Но роман готовы щедро платить за мир с Русью.

Недвусмысленный намек посланнику не понравился. Платить тем, с кого еще недавно сам брал дань, Беньяху точно не собирался.

— Твой договор с роман — не из лучших, — заявил он. — Роман платят, когда боятся. Так напугай их как следует, доблестный хакан! Одному тебе роман не побить, но если с твоим войском пойдут

непобедимые хузары и их храбрые союзники, сердца роман наполнятся страхом! А когда щиты и твоих воинов увидят со стен Константинополя, щедрость повелителя роман возрастет многократно! Если хузары и русы объединятся, от рева наших рогов падут любые стены!

— Если ты пришел в мой дворец, чтобы предложить дружбу своего господина, посланник, я готов об этом поговорить, — благосклонно произнес Олег.

«Величайший “подружится” с тобой, когда его стопы будут покоиться на твоей спине, а в этом хлеву, который ты, дикарь, считаешь дворцом, воссядет его тудун¹», — но вслух посланник произнес только:

— Да, о хакан.

— Мои воины всегда готовы поддержать верных друзей, — еще более благосклонно изрек великий князь киевский, и посланник расслабился. Главное, чтобы безбожники ввязались в драку и увязли в ней. Дальше — проще.

— Зря ты веришь хузарам, — сказал младший князь старшему, когда послы ушли. — Они нас обманут. Для них обмануть тех, кто не молится, как они, — честь.

— Эти могут, — согласился старший. — Только я обману их раньше. Уже обманул. Если бы мы отправились щупать ромеев сами, кто помешал бы хузарам пощупать нас? А теперь мы почти союзники.

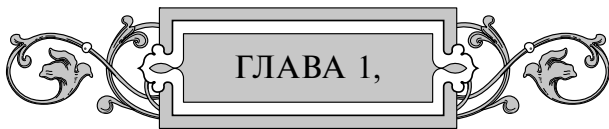
— С такими союзниками и врагов не надо, — проворчал младший. — И куда ты все время рвешься, дядя? Нам бы то, что мы уже добыли, удержать!

¹ Тудун — наместник.

Это «мы» покорило Олега. Всем, что у него есть, мальчишка был обязан клятве, которую Олег когда-то дал его отцу.

Однако поправлять племянника Олег не стал. Пусть кичится. Игорь тоже зовется князем, но и только. Настоящей власти младший не получит, покуда жив старший. А жить великий князь киевский намеревался долго-о...

ГЛАВА 1,

*в которой Сергей встречает знакомых,
и встреча эта не сулит ничего хорошего*

Зауго — городок небольшой. Десятка три хозяйств, под тысячу насельников. Тех, что постоянные. Так-то побольше. Особенно поздней весной, когда открываются дороги, и сейчас, по осени, когда возвращаются домой купцы, что ходили по Волжскому, вернее, Итильскому пути на восток.

В прошлой жизни, той, где он был боярином и князем моровским, Сергей в Зауго подворья не ставил и сам не бывал, но о самом городке слышал, поскольку во времена Святослава и Игоря место бойкое.

Было оно бойким и сейчас, когда четырнадцатилетний отрок Вартислав увидел его с макушки взгорка, стоя между двумя колеями, выбитыми еще весной во влажной земле тележными колесами.

Сейчас земля была твердой и пыльной. Пыль висела и в воздухе, щекоча ноздри, потому что дорога не пустовала. Еще до взгорка Сергей и его спутники разминулись с двумя охотничьими ватажками, загруженными всяким полезным скарбом. С головным первой Сергей даже поздоровался. Встречал его у белославльского корабельщика Стожара. Тот Сергея, похоже, не признал, но поклонился вежливо, а за ним — и другие. Отдали уважение варягу, пусть даже и безумому отроку.

А вот охотнички из второй ватажки кланяться не стали и косились недобро, но дорогу тоже уступили. Судя по курносым рожам и белесым бровям — эти из дальней чуди. А может, и весины. Сергей в их вышивках не разбирался. О причине же нелюбви догадывался: эти — варяжские данники.

— Хвала Господу, мы дошли! — обрадовался Машег. — Добрая еда, сон под крышей, ласковые девки!

Он покосился на Марву, которую к этой категории не относил. Потому что под словом «ласковые» хузарин понимал: ласковые с ним, благородным хузарином Машегом бар Захариахом из рода Рузиев. Марва же красавчика Машега игнорировала.

Так что на эту его реплику тоже никак не отреагировала, хотя со слухом у нее, немой, было все в порядке и сказано было именно для нее, поскольку по-словенски.

Расположившаяся на поле перед городком ярмарка пестрела шатрами, навесами и нарядами.

Прошлогодние меха соседствовали со свежими овощами и только что выловленной рыбой. Визг поросят, звон металла из кузницы, крики нахваливающих товар торговцев...

Торг есть торг, где бы он ни был и как бы ни назывался. Шумит и пахнет.

Трое сторожей из местной заугловской дружины уважительно склонили головы. Они тоже считались отроками, но разница между ними и рёреховскими дружинниками видна с первого взгляда. На заугловских кожаные курточки, простые пояса с медными бляшками, копы да топорики за поясами. А на Сергее с Машегом — кольчуги, пояса с серебром, клинки в недешевых ножнах, браслеты на руках, гривны на шеях... Элита, одним словом. А что по возрасту

и росту друзья местным уступают, так это еще круче. Славы больше.

— Я — к коникам! — бросил Машег и чуть ли не бегом устремился к той части ярмарки, где торговали лошадьми.

Сергей не стал его останавливать, хотя покупать лошадок не собирался. Еще с холма он заметил целых три корабля, пристроившихся у берега. Сергей надеялся, что хотя бы один пойдет в нужном направлении. И лучше, чтобы вот тот, боевой. Драккар сей был, похоже, свейской сборки, но не факт, что на нем пришли свеи. «Живущий боем» Рёреха, который они утопили в Черном море, тоже был спущен на воду в Висбю, хотя плавали на нем варяги.

Если и на этом свои, то совсем хорошо. Драккар небольшой, но ладный. На таком против течения идти куда веселей, чем на пузатом купце.

Ну да пока это только мечты.

— Со мной рядом держись, — сказал он Марве.

Мог бы и не говорить. Немая и так от него ни на шаг. Только головой во все стороны крутит. Ярмарка же. Интересно. Надо девушку приодеть. А то с виду и не скажешь, что свободная. Да и порадовать Марву хотелось. А то не жизнь у нее, а сплошная черная полоса с тех пор, как неизвестные злодеи вырезали их селение. Марва сама за ним увязалась, чему Сергей не противился, хотя Избор был категорически против. Ведун утверждал, что Марва принесет Сергею кучу проблем и ничего хорошего их вместе не ждет. А вот если останется...

Но указать, какие именно неприятности их ждут, Избор не смог. Заявил, что ему, ведуну, виднее. Что ведуну виднее, с этим Сергей не спорил. Тем более что совсем недавно Избор это доказал на деле. И своим деятельным вмешательством избавил

их с Машегом от перспективы стать жертвоприношением местному божеству.

Божество, впрочем, без подношения не осталось. Идола обрызгали кровушкой собственного жреца с говорящим именем Прорвич. А может, и кому другому кровушка досталась, ведь прирезал злыдня Прорвича не правильный жрец, а Сергей, да еще заговоренным ножиком, персональным подарком Избора. У ведуна же, надо полагать, совсем другой потусторонний покровитель.

Однако даже если Избор и получил какой-то дополнительный бонус, Сергей все равно ему должен.

Впрочем, и Марве он тоже должен, так что Сергей решил: старый колдун без молоденькой девчонки как-нибудь обойдется.

В негативный прогноз «принесет беду» Сергей не верил.

В ведуново пророчество: «когда друзей найдешь меж врагов, а друг лучший тебе в дружбе откажет, тогда меня и жди», Сергей верил, а в то, что Марва ему принесет беду — нет.

Видел Сергей, как Избор на Марву зыркал. И если покойному злыдню Прорвичу она хоть и дальней, но родней была, то ведун ее мигом девственности лишит и личной рабыней сделает.

Заступиться некому. Родня мертва. Всех убили в одночасье. Девочка уцелела лишь потому, что не нашли. Спряталась удачно. Хотя это была какая-то второсортная удача, потому что девочка осталась сиротой, да вдобавок еще и онемела.

Немая-то немая, но — хорошенькая. Складненькая. Даже не так: красивая. Глаза синие у здешних не редкость, но у Марвы они особенные. Дивной глубины. Наверное, от пережитого. А нынче от счастья еще больше похорошела.

А счастлива Марва, потому что решила, что она теперь — его, Сергея. И, пожалуй, не ошиблась. В прежней жизни Сергей умел дорожить теми, кто его полюбил. И в этой тоже учился.

В общем, обойдется ведун без «сладкого». И без того с прибылью. Дом у Прорвича покрепче, чем у ведуна. И хозяйство побогаче. И думается Сергею, что Мелкому, законному наследнику папы-жреца, наследства не видать. Пусть радуется, если Избор его в живых оставит и не охолопит.

А от Марвы еще и прямая польза есть. И это даже Машег вынужден был признать. Окрестности девушка знала отменно и правильную дорогу подсказывала не раз.

Еще уху варила вкусную, с травами.

И пела неплохо. Жаль, репертуар маловат, но это исправимо.

А уж к Сергею девушка льнула так, что Машег, бабник мелкий, даже отворачивался. Чтобы не искушаться.

Сергей же... искушался. Но терпел. Волю тренировал и зарок дал: возьмет девушку не в лесу, наспех, а когда можно будет сделать это правильно и красиво. Подросток внутри Сергея был с таким решением не согласен, но — перебьется. Может, здесь, в Заугло, они и слюбятся. А пока надо малышку приодеть.

Сергей всегда любил делать подарки. А особенно приятно дарить тем, кто к такому непривычен. Так что не поскупился: сарафан из хорошей ткани с цветными обережными узорами, вышитый поясок, сапожки из тонкой козьей кожи, синяя ленточка для волос из настоящего шелка. Последним выбрал небольшой нож в деревянном футляре, который он как раз передавал Марве, чтоб прицепила к пояску, когда...

— Ого! А я думал, убили тебя!

Вот уж не было печали. Траин.

Ну почему из всех бойцов, присягнувших варяжскому князю Стемиду, здесь оказался именно он, отрок Траин! Вернее сказать, не отрок, а дренг. Дренг ярла Геллира Свирепого, Стемидова родича по праву брака и водителя одной из его дружин. А также родного папы дренга Траина.

Отношения с ярловым сыночком у Сергея не заладились еще с той поры, когда оба были детскими. И недешевый серебряный браслет, который украшает левое запястье Сергея, был подарен папой Геллиром как компенсация за косяк сыночка. Хотя Сергей был склонен думать, что, не случись косячок на варяжском подворье и в присутствии множества свидетелей, папаша Геллир попотчевал бы Сергея не серебром, а железом.

Но если с ярлом не вполне понятно, то сыну его Сергей точно не друг.

— Убили? И с чего ты так решил? — хмуро поинтересовался Сергей.

— Так Рёрих вернулся, а тебя нет!

За год ярлов сынок неплохо прибавил в росте и раздался в плечах. Сергей тоже прилично подрос, но по-прежнему вынужден был смотреть на Геллирсона снизу вверх.

— Огорчил тебя? — Сергей пытался на ходу выбрать правильную линию поведения.

— Да не особо. А вот то, что попер тебя Стемыч из хирда, — вот это порадовало.

Интересное предположение. Или Траин на публику играет? Зауго — городок княжий. Траин — тоже княжий. Дружинник. И если публично объявил Сергея извергом¹... То просто ляпнул глупость.

¹ Изгой — тот, кто ушел из рода сам, а изверг — тот, кого выгнали, извергли.

— Удивляюсь, Траин, как ты с такой догадливостью ложкой в миску попадаешь! — произнес Сергей громко. Тоже на публику. В роли публики выступают два Траиновых приятеля: Валь и Клеп... а также все ярмарочные гости и торговцы, которые их слышат. А слышат многие.

А непохоже, чтобы лето у Геллировых хирдманов выдалось богатое. Если сравнить с Сергеем, оба дренга выглядят весьма скромно. Куртки из кожи вместо брони, украшений — минимум. Правда, у Валя — неплохой меч. Но Сергею помнилось: этот меч не в бою взят, а унаследован Валем от папаша. Более того, Валь поклялся этот меч никогда на Сергея не поднимать. За что и получил разрешение выудить его из воды, когда Сергею удалось неплохо так поугадать всю нурманскую троицу озерной нечистью.

А еще Сергей помнил, что у Валя имелся старший брат по имени Гест. И этого Сергей в свое время неплохо так огорчил: унизил публично и заставил выложить приличную сумму в компенсацию за покалеченного княжьего отрока Торопа.

Впрочем, Сергеева друга Торопа Гест огорчил куда больше. Искалечил, лишив парня мечты: возможности стать воином-варягом.

Тороп, правда, не пропал. С толком и не без подсказки Сергея истратил полученную с Геста виру и основал охотничью артель. Так что, может, и к лучшему вышло. Охотник из Торопа отменный, а боец — сомнительный. Если парень нарвался на беду прямо на княжьем дворе, то не факт, что пережил бы настоящую сечу.

Однако теперь Тороп вне угрозы, а вот Сергей — нет. Потому что «угроза» сейчас направлялась прямо к нему с весьма недружелюбным выражением на усатой физиономии.